

Атаман

Глава 1

БАНЬКА ПО-ЧЕРНОМУ

Скрипнула береза. Упал с высоких елей подтаявший на выглянувшем солнышке снег — упал тяжело, словно брошенное спортсменом ядро. Вздогнув, затих на секунды долбивший ствол сосны дятел. Затих, посидел — и снова принялся за свое дело — тук-тук, тук-тук, тук. Сидевший на горوشке, на небольшой проталине, заяц-русак вдруг насторожился, навострил уши, почуяв вдалеке что-то подозрительное, шумное. Не-ет, не волк пробирался, не лиса — те б так не шумели. Люди! Всадники на сытых хрипящих конях!

Едва заметив их, заяц — пуганый уже — сорвался со своего места, шмыгнув в густые заросли можжевельника, теперь ищи-свищи — не догонишь! Разве только лиса...

А всадники — много, человек сорок — уже выехали на полянку, растянулись по зимнику — дорожке узкой, прямой, — по замерзшим болотам, по озерам да рекам тянувшейся. Слежавшийся на дороге снег еще и не думал таять. Давая густую тень, со всех сторон толпились мохнатые ели, высокие сосны царапали вершинами небо, гулко бились на ветру голые ветки осин. Снег еще лежал сугробами, блестел, искрился на солнце, синел в распадах и буреломах. И все-таки уже по всему видно было — весна! По редким проталинам, по набухшим на вербах почкам, по тому, как пусть редко, но срывалась с деревьев капель, звонкая, радостная, весенняя, звенела, словно медные колокольчики-боталы — динь-динь, динь-динь.

И птицы уже пели веселей, грелись на солнышке — воробышки, снегيري, синицы...

— Что-то сей год грачей не видать, — поправив съехавшую набок круглую, отороченную беличьим мехом шапку, обернулся ехавший впереди всадник — лет тридцати, плечистый, с красивым круглым лицом, обрамленным рыжей кудлатой бородкой.

— Да уж, не видать, — кивнул мосластый чернявый мужик с нехорошим взглядом, одетый в короткий темно-синий кафтан с вырезами и меховым подбоем. — Хоть и пора бы. И снегу еще полно — по всему приметам, весна нынче затяжная будет. То нам на руку! А, Афанасий, не так?

— Нам-то на руку, — усмехнулся в рыжие усы Афанасий. — Так и тем, кого мы ловим — тоже.

— Поймаем!

Поправив висевшую на боку саблю, чернявый засмеялся, противно этак дребезжаще-визгливо, словно бы с силой поскреб железом по стеклу. От смеха его Афанасий скривился и, сплюнув в снег, махнул рукой остальным:

— Ну, чего едва тянетесь? Давай, погоняй лошадок — нам к погосту-то дотемна б успеть.

Остальные всадники выглядели куда моложе этих двух, да и одежонку имели похуже — кто в полушубке нагольном, кто в армяке, у многих еще и заячьи треухи. Однако ж все оружны — не считая луков-стрел, еще и короткие рогатины-копья, тяжелые сабли, секиры да шлемы к седлам привешены, да в переметных сумках тяжелое что-то позвякивает — доспехи, видать. Ой, не на охоту молодцы собрались!

— Скорей, скорей, — взмахнув плетью, подогнал Афанасий, похоже, он и был тут за главного. — Поспешай. По реке-то дорожка куда как хуже пойдет — подтаивает, солнце-то — эвон!

Словно в подтверждение его слов последний выехавший на поляну парень вдруг провалился — коню по грудь. Лошадь захрипела, задергалась...

— Да что ты сидишь-то, орясина! — возмущенно заорал чернявый. — Давай спешивайся, да коню своему помогай.

Скинув с плеча саадак, парняга так и сделал — ухватил под уздцы лошадь, выбрался и, утерев выступивший на лбу пот широкой, как лопата, ладонью, посетовал:

— Ну и снега тут, прости господи! У нас-то на Москве, поди, уж и травка первая пошла, и цветочки.

— Ага... васильки заколосились, — чернявый глумливо прищурился. — Давай, догоняй наших. Пуцай прямо по реке скачут, а у старой сосны, у развилки, — ее видать будет — на отдых встанут.

— А вы, дядько Тимофей?

— А мы вас нагоним. Да! Костры там не разводите — поедим насухую да в путь.

— Понял, — поклонившись, парень взметнулся в седло. — Всем передам!

— Саадак-то с сугроба возьми, чудо!

Оплошавший всадник резко завернул коня, свесился в седле — едва не упасть, — подхватил из сугроба потерю. И чего было саadak к седлу не привесить? Наверное, места уже не хватало, много чего у парняги висело — и плоский татарский шелом, и шестопер увесистый, и кольчужка в мешке звенела... или — что там? Бахтерец, байдана?

— Инда брони не зря взяли? — проводив взглядом отъехавшего, Тимофей пригладил черную густую бороду. — Ты ж, Афанасий, сказал — все чисто будет.

— И чисто, — усмехнулся напарник в рыжие усы. — Коль беглецы, как мыслю, на Биричевых выселках. А ну, как на погосте у Паш-озера остались? Там люди не наши — новгородские. С боем погост брать придется, а потом — сжечь!

— Сжечь! — довольно кивнул Тимофей. — Моя бы воля — весь их Новгород бы сожг ко всем чертям!

— Погоди-и-и, дай срок! Отойдем от Едигея, Василий-князь и...

— Слушай-ка... — Чуть помолчав, Тимофей подозрительно огляделся по сторонам: — Я так мыслю — не зря мы тут остались?

— Не зря, — бросил старшой. — Хочу тебя на Сярг-озеро, на заимку, послать. Людишек дам с полдюжины и проводника — одноглазого Конди, он те места знает. Сейчас и поскачете — там, на развилке, простимся. Мы — к погосту, вы — к озеру. Сейчас один там на заимке — дед Федот, да беглецы. Сразу всех их и... того. А тела потом сюда привезешь, волокушу сладишь.

— Сярг-озеро? Это хоть где?

— Ох... — Афанасий вдруг оборвал беседу, задумался, словно что-то важное вспомнив, а потом, понизив голос, продолжил: — От погоста далече, день пути, а то и все два. Не дает оно мне покоя — вдруг да шпыни туда подались? Уйдут — что тогда боярину, да ладно боярину — князюшке нашему скажем?! Молчишь? Вот то-то и оно. Потому тебя с Конди туда и посылаю. Так, посмотреть — а вдруг? Там, с развилки-то, прямой путь навстречь солнцу.

— Навстречь солнцу? — изумленно переспросил Тимофей. — Они ж оттуда бежали, не так?!

— Так. Однако до погоста могли еще и не добраться. Ты глянь! Вдруг да там они? — старшой пригладил кудлатую бороду, ухмыльнулся. — Я так мыслю, беглецы сейчас опаски за собой не чувят — земли-то Московские кончились! Смотри, Тимоша, Конди говорит — места там зело глухие, боры кругом, урочища. Если стрелами будете бить, так — наверняка, а лучше уж копьём или сабелькой — для надежности! Ну, там, на месте, сообразите.

— А с чего взяли, что шпыни те на Новгород решили податься? — Тимофей все же посомневался, хотя видел — старшому это не нравилось. — Могут ведь и на Хлынов.

Ну, нравится, не нравится — чай, не бабы, не красные девицы собрались — дела решали серьезные. Удастся все, как надо, сладить — и серебра немалая толика, и почет немалый и, самое главное — земляца от князя московского. Пусть хоть не Белозерье — да своя. Две б — три деревеньки с холопями...

— Могут и на Хлынов, но не дошли еще никуда — не успели. А ты што, Тимоха, разулыбался-то? Жену свою вспомнил?

— Нет у меня жены, Афанасий. В прошло летось от лихоманки сгорела.

— От лихоманки-и-и? — недоверчиво прищурился левый глаз, протянул старшой. — А люди говорят, ты ее... Ладно! Чужие дела ворошить — грех. Все у тебя? Узнал, что надо? Инда — спроси еще.

— Спрошу, — Тимофей поиграл желваками, видать, не очень-то ему понравилось упоминание о безвременно погибшей супруге. — А ежели так станется, что шпыни — на погосте или на выселках Биричевских. Вы их возьмете, а язм...

— И ты при деле останешься, в том и не сомневайся, — упрямо набычившись, заверил старшой. — Опасения твои понимаю. Смотри только, не упусти беглецов.

— Не упушу... А что, места-то они ведают?

— Откуда? — Афанасий, не выдержав, хохотнул.

— Значит, смекаю — проводник у них есть, не наобум же бредут по таким лесищам?

— Верно мыслишь, — старшой резко оборвал смех. — Шпыни-то могли и кого-нибудь с собой прихватить — пути-дорожки показывать. Серебришком прельстить или так, силой.

— Значит, выходит, четверо их.

— Пусть так... А тебе, вижу, полдюжины воев мало?

— Да что, что ты! Окстись, — обиженно скривившись, Тимофей замаhal руками. — Нешто с беглыми не управимся? А Федота-старика, верно, и считать нечего.

Покачав головой, Афанасий махнул рукой:

— Ладно, поехали. Вона река — видишь? А дальше, на бережку — сосна кривая, там и развилка. Да приметна — увидим. Ой...

Какой-то резкий и мощный звук вдруг раздался на всю округу, словно кто-то перекатывал по небу огромные камни или вдруг ударили разом с десятка тюфяков-пушек!

— Что это, гром, что ли?

— А и гром! Гроза, — приподнявшись в седле, Тимофей, указывая, вытянул руку. — Вона, глянь, за тем леском — туча.

— Господи... верно — туча. Зеленая какая-то. Зимой и гроза — нечасто такое бывает. Обычно говорят — не к добру.

Из зеленоватой, кочками нависшей над дальним лесом тучи плеснула синяя молния, снова ударил гром.

— Ой, не к добру, — осеняя себя крестным знамением, повторил старшой.

Тимофей кивнул и тоже перекрестился:

— Ну, поскачем к развилке, что ль?

— И где же твоя развилка? — притормозив, Егор посмотрел на своего пассажира — молодого, лет двадцати с лишком, парня, широкоплечего, с круглым и каким-то по-детски наивным лицом. — Проехали, что ли?

— Ась? — парень недоуменно повернулся, и Егор уменьшил звук магнитолы.

— Поворот, спрашиваю, где? Ты, Леха, спишь, что ли?

Парень смущенно потянулся:

— Да прикемарил малость. Вчера, это самое, зависли с девахами.

— С Валькой, что ль, продавщицей?

— С ней... Слушай, а у нее подруга такая коза — ващце, это самое...

А вот! — Леха вдруг вытянул шею и показал рукой. — Вон развилка-то! Вот она, повертка!

— Проедем?

— На твоём «уазике» — да. А на джипе я б и не пытался. Хорошо хоть не на нём поехали, а то б там сели — кто б вытаскивал?

— Ничего, до лета уж как-нибудь бы прозимовали.

— До лета? Не, мне до лета нельзя.

— Так весна уже — март! Недолго осталось.

Выворачивая руль, Егор искоса посмотрел на своего напарника, явно не относящегося к людям с изысканным чувством юмора, да и не с изысканным-то у Лехи было туговато. Что и говорить — не семи пядей во лбу парень. Зато человек верный, даже родственник, хоть и дальний.

— Не, та коза... ващце, это самое, такая оторва! Слышь, Гоша, мы, это самое, два бутылка сожрали, Валька-продавщица — в умат, а эта коза — хоть бы хны, и уж мы с Корягой ее и так, и этак... Ухх!! А потом, это самое, еще за водярой поехали, на Корягиной «десятке», а у нее бампер оторванный и... Короче, это самое, взяли водяры, Вальку разбудили и козу эту... и опять их перли, перли... Потом опять за водярой поехали, а коза эта попросила пива, короче, едем мы такие, а Коряга — в умат...

Стиснув зубы, Егор прибавил звук — еще летом самолично поставил в «уазик» хорошую акустику — дерьмо не любил слушать, а из музыки предпочитал что-нибудь типа «Арии», «Наив» или там «Король и Шут». И сейчас вот его врубил:

Два вора, лихо скрывшись от погони,
Делить украденное золото решили...

Напарник скривился, словно от зубной боли:

— Слышь, Гоша, а ты, это самое, такую ботву слушаешь... Лучше б шансон поставил — Жеку или, это самое, еще кого-нибудь.

— Ты еще скажи — Стаса Михайлова!

— О! Или Михайлова. Тоже ничего, а?

Егор уже едва сдерживал раздражение:

— Михайлова у себя дома будешь слушать, с продавщицей Валькой и этой своей... козой. Как ее, кстати, звать-то?

— А я знаю? — обиженно отозвался Леха. — Это самое, она, может, и говорила, да не вспомнить теперь. Короче, оно мне надо?

— Тоже верно, — аккуратно объезжая яму, усмехнулся Егор. — Кстати, шансон у меня где-то есть... ну-ка, посмотри в бардачке... во-он ту компашку ставь...

Снова заиграла музыка. На этот раз куда более изысканная, под которую хорошо думалось — иногда Егор слушал и такое, накатывало...

А вот Лехе снова не понравилось:

— Слышь, Гоша — а это что такое?

— Шансон, ты ж просил.

— Да там это самое — не по-русски вроде...

— Так Шарль Азнавур. Погоди, там дальше еще другие будут...

— Ага...

— Жак Брель, Ив Монтан, Брассенс. Тебе понравится, Леха!

— Ох, — напарник опять скривился. — А по-русски там есть?

Егор махнул рукой:

— Так поищи в бардачке-то.

Леха так и сделал, и, порывшись, изумленно вытащил какую-то замуколенную, с загнутыми листами, книжку — «Бухгалтерский учет и аудит».

— Гоша... а че это? Ты в счетоводы податься решил, что ли?

— И решил! — зло бросил Егор. — Книгу на место положи. Живо!

Леха явно испугался, поспешно засунул книжку обратно:

— Да я че? Я ничо. Посмотрел только...

— Леха, сколько у меня пилорам? — помолчав, уже более покладисто произнес водитель.

— Ну, две... если ту, что за Явосьмой, тоже считать.

— А чего ж не считать-то? Две пилорамы, делянки, лесовозы, торги...

А бухгалтер — если не сволочь, так обязательно — пьяница. Какого уже увольняю? Третьего! И это — за полгода. Придется уж самому аудит осваивать, не тебя ж на бухгалтера учиться послать, а, Леха?

— Не-а, не меня... это верно. — Посмеявшись, парень покосился на Егора и несмело взял с заднего сиденья банку пива. — Я еще попью, а? Башка, это самое, со вчерашнего раскалывается.

— Да пей, черт с тобой. Мне банку достань тоже.

— Ага.

— Только смотри, не усни — кто мне дорогу показывать будет? — Егор взгляделся в усыпанный слежавшимся снегом путь. — Впрочем, похоже, «тут в город только одна дорога»

— А мы разве в город едем?

— Короче, если хочешь спать — спи, понадобится — разбуду, понял?

— Угу... Это самое, я только покемарю малехо. Ты буди, если что.

— Еще бы.

Егор покосился в зеркало, хотел было причесать растрепанные с утра волосы, да раздумал — перед кем прихорашиваться-то? В бане девок не намечалось — не за тем ехали, не за девками. И не мыться, то есть — не только мыться. Главное было — встретиться с нужными и «авторитетными» людьми, без слова которых ничего в районе не делалось. Это Егор так просто болтнул про две пилорамы... ну да, после смерти дядюшки вроде бы под него отходили... если так авторитетные люди решат. А могут ведь и по-другому рассудить — всяко бывало. Тогда что ж — и одной пилорамы покуда хватит, а дальше — дальше имелись у Егора мысли, сдаваться он вообще не собирался, да и как мог сдать бывший боксер? Кандидат в мастера спорта, пусть среди юношей, пусть — в прошлом, но все-таки. Несмотря на достаточно молодой возраст — неполные двадцать пять лет, — у Егора Вожникова (друзья его называли Гошей) уже многое осталось в прошлом, пусть и не таком дальнем. Служба в армии — еще полтора года захватил, в РВСН под Козельском, опять же — бокс, даже один курс в гуманитарном университете, — дальше пришлось бросить, тянуть было некому, скончался отец, мать же умерла еще раньше, когда он был маленьким. Отучился год на факультете социальных наук, ну, и черт с ним — теперь «бухгалтерский учет и аудит» куда как важнее! Тут Егор со многими своими друзьями был согласен — гуманитарное образование это и не образование вовсе, а так, смех один. Ну, изучал он на первом курсе Древнюю Русь да Египет — и что с того? А вот бухучет — совсем другое дело, наука прикладная и в жизни очень даже полезная! Осилить бы... Ничего! Егор улыбнулся сам себе — мы парни упорные, деревенские, не какие-нибудь там городские маменькины сынки, нытики-горлопаны! Осилим, прорвемся — не джебом, так апперкотом или хуком. Не прямо — так снизу или сбоку — укротим злодейку-судьбу, к себе понадежней привяжем! Да и все вроде не худо пока складывалось — пилорамы опять же.. А ведь с водителей у дядюшки начинал! Потом — в «бригады», потом... Много чего было, в том числе

и такого, чего и вспоминать не очень-то хочется, а, впрочем — что было, то было, жизнь есть жизнь. И с бизнесом, и с друзьями неплохо складывалось: еще в университете учась, снюхался Егор с «реконами», с теми людьми, что реконструкцией прошлого занимаются, мечи-брони куют, ладьи-драккары строят, слеты проводят и иной жизни для себя и не мыслят. Вожников, конечно, столь далеко в прошлое не погружался, (оттуда потом некоторых особо увлеченных товарищей только с помощью квалифицированного психиатра выводят, и то далеко не всегда), однако чем-то его все же зацепило — и больше даже сейчас. Может быть, оттого, что был слишком умным? Образование испортило — даже один курс. У всех «нормальных» людей как — «тачка», «хата», шмотки, пьянки-девки, ну, еще какая-нибудь Турция — «все включено» или, не к ночи будь помянут, Таиланд — задницу на песке заграничном погреть, как будто у нас озер мало. Да тут вот летом... такая красотища, отдыхай — не хочу. Так ведь на песке-то лежать — скучно. Ежели за граница — так Егору надобно самому, без всяких турфирм и экскурсоводов гнусавых. А зачем вменяемому взрослому человеку туроператор — лишний паразит-посредник? Интернет, слава богу, теперь в любой глуши есть, заказал билеты и — какой выбрал — отель, что там посмотреть — прикинул, и — с компанией подходящей, реконской, в аэропорт — флаг в руки! А зад — «все включено» — в автобусе или на песке греть — не, это не для Егора. Да реконы то на драккаре по Ладоге позовут, то в лесной лагерь — в средневековых доспехах биться. Вот тут-то уж Егор собаку съел — знал и как кольчуги вязать, и как саблю наточить, чтоб «холодным» оружием не признали, меч даже себе лично из автомобильной рессоры выковал, а вот со шлемом не сладил — пришлось заказать по почте, купить, хоть и не респект это среди реконов — отнюдь! Но многие покупали — не все же мастера-умельцы, а в чем попало на слет не явишься, это ж не какой-нибудь там Толкиен, где и копье из швабры прокатит. У реконструкторов все серьезно, все по-настоящему... почти. Ну, чтоб не убили никого случайно. А вообще, бывали и травмы, и всякие прочие недоразумения; вот, хоть прошлым летом вырвался Егор на недельку — русского ратника пятнадцатого века изображал, все как полагается — со щитом, в шлеме, в доспехе пластинчато-кольчатом — бахтерце, в бывшей совхозной кузнице лично выделанном... Вырвался, а как пошла с крестоносцами сеча, меч поломал — ударил неудачно... ну и зарядил сопернику прямым в челюсть! Как бывший кандидат в мастера по боксу — радовался, милое дело — вражина ногами кверху в ров улетел... Только не засчитали победу! Сказали — не было в те времена современного бокса, а у тебя, мол, удар поставленный — сразу видать. Ишь ты, видать им...

— Гоша, — проснувшийся (а, может, он и не спал, так слегка подремывал) напарник снова потянулся к пиву. — Тебе достать?

— Давай.

Леха забулькал пивом, довольно рыгнул и чуть погода спросил:

— Гоша, а что ты не стрижешься и бородой, вон, запрос? Снова на свою древнюю войнушку собрался?

— Ну, собрался, — Вожников отозвался недовольно, знал — многие знакомые над ним за «реконство» посмеиваются, у виска пальцем крутят.

И пусть!

Когда — в детстве еще — в школьную секцию бокса записывался, некоторые тоже смеялись... до поры до времени только.

— Гош, это самое... а помнишь, ты и меня обещал с собой взять? В прошлом году еще.

— Обещал — возьму, — включив пониженную передачу, покладисто сказал Егор. — Только ты меч себе сделай и какой-никакой прикид. Да — и шлем, без шлема в битву не пустят. Впрочем, шлем я тебе подарю — завалилась у меня где-то мисюрка.

— Что завалилось?

— Шлем такой, в виде купола, с бармицей.

— С чем-чем?

— Кольчужная такая сетка.

— А-а-а... А, это самое, прикид-то можно по Интернету заказать?

— Да можно, конечно. — Егор хохотнул. — Смотри только сначала со мной посоветуйся. А то, помнится, как-то раз случай был — явился такой вот ухарь вроде тебя, весь такой крутой, в рубахе шелковой. Ратника Дмитрия Донского изображал, простого воина — это в шелковой-то рубахе!

— А что?

— Да ты знаешь, сколько тогда шелк стоил?! Ленту тоненькую к подолу пришить, чтоб завидовали — и то дело. А тут — вся рубаха из шелка... у простого-то воина.

— Ну, я это самое, тебя спрашивать буду.

Выдув очередную банку, Леха выкинул ее в окно, в подтаявший мартовский сугроб, и довольно потянулся, глядя на плывшее за деревьями солнце.

— А все же весна уже, да! Припекает.

— Еще и метели будут, и снег.

— Это — само собой... Слышь, братан, а девки на слетах ваших есть?

— Девки? — Вожников прищурился. — Да сколько угодно.

— А они того... это самое...

— А как же! Если понравишься.

Напарник снова замолчал, пошмыгал носом, а потом спросил:

— Гош, а как ты думаешь, я им точно понравлюсь?

Егор скосил глаза, едва сдерживая усмешку:

— Точно-точно! Парень ты молодой, весь из себя видный.

— Правда? Не, короче, это самое, без подколов?

— Истинно так!

— Гош... — как видно, выпитое пиво подвигло напарника на болтовню. — А правда, говорят, ты к бабке Левонтихе ездил?

Егор при таких словах чуть руль из рук не выпустил. Ну, надо же! И про бабуку уже знают — ну, деревня, в одном конце чихнут, в другом прокомментируют.

— Ездил. Меч заговаривал.

— А-а-а... А Валька-продавщица говорила — будто, это самое, венец безбрачия снимать, она к Левонтихе за тем же зааживала... Ха! Не могло.

— Передай Вальке — голову откручу, — нехорошо усмехнулся Вожников. — Чтоб всякие поганые слухи не распускала. И ты смотри у меня...

— Да я ж это... Гоша, это самое... короче — молчу.

— Пей, вон, пиво лучше.

Догадались, блин — венец безбрачия. Егор хмыкнул. Ему, между прочим, еще и двадцати пяти нет. И куда жениться? А самое главное — на ком? Вот как-то так получилось, что не на ком, хотя вообще-то девки на Вожникова кидались еще с ранней юности, особенно — после боксерских поединков на приз района. Егор был парень видный — на лицо этакий весьма приятный прихотливому женскому взгляду: волосы выющиеся, густые, светло-русые, еще и усики, и бородка модная, и серо-стальные глаза, к тому ж весь из себя — мускулистый, подтянутый, прыгучий — в боксе тогда в среднем весе выступал, это вот после армии потихоньку заматерел, потяжелел изрядно. Девки были, да, и немало... но — одно дело секс, и совсем другое — жениться. Вожников, когда слышал от какой-нибудь про «концерт такой здоровский вчера в телевизоре был — Ваенга и — ах — Стас Михайлов», так строить какие-то серьезные отношения с подобной девицей ему уже категорически не хотелось. И здесь не в одних музыкальных пристрастиях дело — Егор, к слову, не такой уж и завзятый меломан был, просто слушал, что нравилось, что к душе ближе лежало. Но вот девицы... Нет, попадались среди них и умные, и даже шибко продвинутые, и даже — страшно сказать — такие, с которыми, может, и сладилось бы, но... Кто ж в эту глушь поедет? Декабристок нет. Хотя и в материальном смысле все у Вожникова нормально было, он даже дом начал строить, уже и кирпич завез, и проект с архитектором разработал лично. Однако — все дела: пилорамы, лесовозы, делянки — здесь, в глуши, за лесами да за болотами, хоть и до райцентра недалеко — всего-то километров сто... ну, сто тридцать. Разве, по российским-то меркам, расстояние?

А честно сказать, просто побаивались его девки. И боксер, и лицом приятен, да еще и умен и... ну, небогат, но без проблем денежных, уж, казалось бы — завидный жених не только по местным меркам. Но вот просто всего в нем много — и то, и другое, и третье... даже и реконская тусовка, как здешние говорили — блажь.

Молодой человек скривился и неожиданно для себя вздохнул. Да встретится еще подходящая, ладно... а то удумали — венец безбрачия, и во все не затем Егор к бабке Левонтихе, местной колдунье, ездил — совсем за другим делом. Встретились как-то случайно в городе, на джазовом фестивале — Вожников туда заглянул музыку «живую» послушать, — увидел знакомое лицо, туда-сюда, разговорились. Он даже потом колдунью почти до самого дома подвез. И та — в машине еще, не в «уазике», в «Опеле», джипе — вдруг такое сказанула... Мол, есть в тебе, Георгий — так Левонтиха Егора называла — одна способность, в роду твоём некогда от отца к сыну передававшаяся, да вот давненько уже утраченная. Способность предчувствовать некие нехорошие события в ближайшей округе дней примерно за восемь-десять, а то и больше даже.

— Ну, вот ты сам-то, Георгий, не помнишь? Может, и с тобой иногда что-то подобное уже случилось?

Случалось, а как же! Вот тот предпоследний бой — закончившийся обидным нокаутом. Пусть техническим, ну и что же...

Действительно, тогда и ехать не хотелось, и на ринг ноги не несли... что-то такое было. И — перед тем, как отец умер.

— Ну. Вот, видишь! Ежели захочешь, эту способность можно в тебе возродить. Сайт у меня есть — расценки посмотришь, свяжешься...

А что, неплохое дело! Всякую пакость предвидеть — и не допустить, как-то воздействовать! Вот сейчас бы точно знал — стоит ли в баньку ехать? Может, авторитетные люди что худое замыслили? Моргнут своим — те враз и пристрелят, а труп в прорубь кинут... трупы — Леха ж еще. А вдруг и Леха с ними — а вот так бы знал! И бухгалтеры... коли б предвидел — ни одного б гада на работу не взял, не надо было б и бухучет штудировать — не особенно-то захватывающую науку.

Вот и съездил к бабке, как раз позавчера и съездил — гляди-ко, уже и сплетни пошли. Это, верно, Машка-почтальонша... или та же Валька. А Вальке откуда знать?

— Леха, вчера с вами что за коза-то была?

— Да ничегошная такая, титьки — во! — обрадовавшись возобновлению доброй беседы, напарник поводит ладонями, обозначив в воздухе нечто размером как минимум с баскетбольный мяч.

Вожников даже хихикнул:

— Ну, брат, заядлого рыбака сразу видно!

— Да я, это самое, отвечаю! Гад буду! Во-от такие титьки. Не веришь? Так я тебе ее как-нибудь подгоню, козу эту.

— Леха, я не про титьки. Откуда коза, спрашиваю? Наша?

— Не, городская. Из Питера, что ли... да я особо-то не расспрашивал... короче, это самое, водку в пасть, да в койку.

— Из Питера, говоришь?

— Дак к Вальке и приехала. Подруга.

— Вот теперь понятно, оттуда у слухов ноги растут.

— Да, у козы этой такие ноги-и-и... Ух! Короче, как у этих... ну, в цирке еще скачут...

— Акробаты?

— Точняк! Как у них — это самое, от ушей прямо.

— Ладно, сведешь как-нибудь.

— Да не вопрос, брателло!

— Просто посмотреть хочется на такое чудо.

Егор снова задумался, вспоминая свой позавчерашний визит к бабке. Да, собственно, и нечего было особенно вспоминать — ну, заехал, зашел, да, заплатив по таксе шесть тысяч рублей, получил от колдуньи заговоренную при нем же воду — снадобье — в пластиковой бутылочке от «Аква Виты» без газа. Левонтиха, как уходил, еще и проинструктировала: мол, надо в полнолуние этой водой облиться да сигануть в прорубь.

— Что, ночью, что ли?

— Да не обязательно, можно и днем. Нынче как раз полнолуние. Главное, чтоб грозы не было.

Грозы... не, ну надо же, сказанула бабка! Это в марте-то? Чушь какую-то смолола — а еще колдунья.

Егор вчера еще хотел окупнуться, затеял с утра баню топить, чтоб не сразу в прорубь — а после баньки, все ж поприятнее. Да и водица заговоренная что-то как-то дурно пахла — Вожников пробочку открывал, принохивался. Ацетон, что ли... Или этот, уайт-спирит, растворитель... В общем — гадость какая-то, такую удобней в баньке с себя смыть, ежели в проруби не отмоеся.

Хотел, да... собирался. Но не срослось вчера, не сложилось. Тут же, с утра, начались звонки, поездки — то трелевочник на делянке заглох, с запчастями решить надо было, то лесовоз какие-то заезжие гаишники остановили, пришлось ехать, вопросы улаживать. Уладил. А вечером — позвонили, в баньку вот пригласили. В дальнюю баньку, попариться с авторитетными людьми.

А заодно — и бабкино зелье испробовать, почему б и нет? Самое для того место и время. Бутылку «заряженную» Егор с собой прихватил... кстати, а где она? На заднее сиденье кидал... вроде...

Егор обернулся и в ужасе округлил глаза:

— Эй, Леха! Ты что это пить собрался, родимый?

А Леха уже крышку на бутылочке бабкиной открыл да хлебнуть собрался... только вот принохался, губы скривил:

— Это чего это у тебя, Гоша, тут? Спирт, что ли, паленый?

— Ацетон. Дай-ка сюда бутылку... На другое место переложу, чтоб ты случайно не выпил.

Свернув на лесную дорожку, Вожников сбавил скорость, но, тем не менее, примерно минут через двадцать «уазик» уже подкатывал к небольшой, огороженной новым забором, усадьбе, у распахнутых ворот которой стояли два снегохода и черный «Хантер».

— Ты туда, в ворота, и заезжай, это самое, — показал рукой Леха. — Сейчас Иваныч выбежит, сторож.

И в самом деле, из просторной бревенчатой избы с высоким, под затейливым навесом, крыльцом, навстречу машине выскочил седобородый старик в телогрейке и валенках. В руках старик держал ружье да и вообще, вид имел строгий... Правда, увидев Леху, тут же опустил ствол и широко улыбнулся:

— А, Лешенька! И Егор Ильич, вижу, с тобой. А мы вас еще раньше высматривали — а все нет, да нет. Вы проходите сразу в баньку — там ждут.

— Хорошо, — выходя из «уазика», бросил Егор. — Леха, пиво не забудь прихватить. И водку.

— Да не надо ничего, парни, — осклабился старик Иваныч. — Там есть уже все.

— Ну, тогда только свою водичку возьму, — Вожников полез обратно в машину. — А где у вас тут баня-то?

— А вон, мил человек, у реки. Как раз на бережку и будет. Там и прорубь есть — после парилки-то самое оно то.

Егор поспешно спрятал усмешку — вот уж, действительно, прорубь сейчас весьма кстати.

— Гоша, ты че там застрял? — оглянулся уже прилично отошедший по нахоженной в снегу тропке Леха.

Вожников махнул рукой:

— Да иду, иду уже. Полотенца-то взял?

— Обижает!

— Да говорю, есть там все, — подал голос Иваныч. — Хорошая у нас банька, по-черному.

Банька располагалась на крутом бережку, метрах в пяти от затянутой льдом и искрящимся на мартовском солнце снегом реки, тут же дымилась и прорубь, к которой вела синяя нахоженная тропинка — видать, в баньке-то частенько парились и в прорубь понырять любили.

— Ну, вот и славненько.

Потерев руки, Вожников обернулся, глянул назад — усадьба была надежно скрыта деревьями, такое впечатление, что здесь вообще одна только та баня — и все.

— А-а-а! Вот и гости. А мы заждались уже, — скрипнув дверью, выглянул из бани распаренный голый мужик лет пятидесяти в войлочной — для парилки — шапке с серпом и молотом. Крепкий, жилистый, но уже с заметным брюшком, он производил бы впечатление добродушного дедушки из отставных военных, если б не усыпанные наколками руки и плечи.

— Здравствуйте, Вадим Георгиевич, — наклонив голову, вежливо сказал Егор. — Извините за опоздание — дороги тут не московские.

— Да уж, не московские. — Встречающий махнул рукой. — Ну, заходите — чего на улице стоять. Сперва попаримся, а потом, за столом — и за дело. Рад тебя видеть, Егор... Это кто?

— Это со мной. Леха.

— С тобой так с тобой, ладно.

Глубоко посаженные, под кустистыми бровями, глаза Вадима Георгиевича сузились, так, что непонятно было, действительно ли он рад гостям или задумал что-то нехорошее. Мазнул, мазнул взглядом по кусточкам... Вожников, в баню заходя, обернулся, тоже туда посмотрел — увидел, как кусточки дернулись. Кто там сидел, интересно? Снайпер? Взвод автоматчиков? Молодой человек улыбнулся — вот ведь лезет в голову всякая хрень! Ну, при чем тут автоматчики-то?

Быстро раздевшись в просторном — не без изыска, но и без излишеств — предбаннике, гости вслед за Вадимом Георгиевичем подались в дышащую травяным жаром парилку, где на полке орудовал веником другой «авторитетный» человек, лет на десять старше первого — тощий, низенький, с лысой, обрамленной венчиком седых волос, головой.

— Эх вы тут, Федор Кузьмич, наподавали!

— Ни-чо! — бодренько откликнулся «авторитет». — А ну, молодежь, давайте на полоч. Что головы пригнули? Жарко?

— Да в самый раз, — ответил Егор.

Зашипела, испаряясь жаром, брошенная на камни вода. Мельницами замахали веники, распространяя вокруг духовитый березовый запах, унесся, осел на бархатно-черных от копоти стенах пар.

— Еще и дубовые веники есть, — похвастался Федор Кузьмич. — И эвкалиптовые. А ну-ка, Егор, поддай-ка парку!

Егор и рад стараться — наподавал так, что все из парной выскочили, он один и остался, с остервенением охаживая себя веником по плечам... Потом выскочил и по снегу — в прорубь! Ах, вот это дело!

Долго, правда, не купался — скоренько забежал обратно.

Вадим Георгиевич, в парную заходя, обернулся:

— Ну, что? Еще заход, а?

— Не, я тут посижу, отдышусь немного, — помотал головой Егор.

— Отдышись, отдышись. Пиво, вон, пей или квас.

— Спасибо.

Молодой человек дождался, когда все скрылись в парной и, взяв прихватченную с собой бутылку, вылил на себя заряженную воду. Мельком глянув в висевшее на стене зеркало, машинально почесал родинку на левом плече — небольшую, в виде трилистника — и, перекрестившись, снова побежал к проруби. Так, с разбега, и бросился, не обращая внимания на зависшую над головой зеленовато-свинцовую тучу. И откуда она взялась-то? Вроде только что ясно было... и вдруг — на тебе, гром! Случается, конечно, гроза и в марте, — но очень и очень редко.

Померкло, закатываясь за тучу, солнце. В темном грозовом небе сверкнула молния. Снова ударил гром.

Глава 2

СНЕГ И ТЬМА

Что-то повисло перед глазами, какое-то зеленое мерцающе-плывущее марево. Провалившийся в черноту Егор пришел в себя, почувствовав, что не может вдохнуть... Ну, конечно — вокруг была вода, а где-то наверху искрилась ласковым светом прорубь.

Молодой человек заработал руками, вынырнул, выбрался на снег и тут только почувствовал холод. Сколько он находился в воде? Секунд пять, десять, больше? И что это было — спазм? Или... или кто-то дал палкой по голове — такое ощущение!

Все эти мысли вихрем пронеслись в голове у Вожникова, когда он со всех ног бежал обратно в баньку. Забежав в предбанник, рванул дверь парной, окунаясь в быстро охвативший все тело жар. Кто-то из парильщиков швырнул на каменку ковшик водицы... вокруг поплыл липово-медовый запах, приятная истома охватила Егора — отогрелся! — даже потянуло в сон.

На полке двое мужиков наярывали вениками, внизу, на лавке, суетился с шайками какой-то старик... нет, не тот, не «авторитетный»... сторож, наверное.

— Иваныч, ты, что ли? А Леха где?

Старик оглянулся, выронив шайку. Двое, на полке, опустили веники. Егор удивленно моргнул — совершенно незнакомые люди! Старик, еще один жилистый тип с белесым шрамом через всю грудь, да еще двое мужиков, чем-то похожих друг на друга. Братья, что ли? Оба светловолосые,

с бородами, только у одного — старшего — борода гуще. На шее у каждого — золотой крест. Да-а, и эти, судя по крестам — парни серьезные. Что же получается, он, Егор, в другую баньку забежал? А что... мог и ошибиться, вполне.

— Мужики, извините, я, кажется, не туда попал.

Молодой человек повернулся к двери, как вдруг жилистый ухватил его за руку и, негромко смеясь, похлопал по плечу:

— Э-э, паря! А мы тебя к завтраму ждали.

— Ага, — остальные парильщики переглянулись. — Это тот, значит, и есть?

— Он, он... вон и примета, — старик ткнул пальцем в родинку на левом плече Егора.

— Ужо видим, — старший бородач усмехнулся и обмакнул веник в кадушку с горячей водицей.

— Егор, — сказал молодой человек. — Егор Вожников...

— Тсс!!!! — зашипели вдруг мужики. — Догадываемся, откель ты... Одначе много-то не болтай! Егор так Егор — Георгий.

— Я тут случайно, извините, что помешал. Нырнул, вот, в прорубь и...

— Ла-адно, — слезая с полка, протянул бородач. — Сейчас домоемся, отдохнем, а завтра с утра и выйдем. Ты, Егорша, дорогу-то добре ведаешь?

— Леха, приятель мой, указывал, я только рулил. Но не заблужусь — точно! Послушайте, мне пора, наверное, извините, что...

— Сядь, посиди, паря! На вот, выпей, охолонь.

Егор вслед за всеми вышел в предбанник, тускло освещенный солнечными лучами, пробивавшимися сквозь небольшое, затянутое куском грязного полиэтилена, оконце и, усевшись на лавку, хлебнул из предложенного младшим бородачом плетеного жбана. Хм... что за напиток-то? Не пиво, нет. Похоже — брага... нет, квас, только очень забористый.

— Хороший у вас квасок.

— Добрый.

— Спасибо, я все же, пожалуй, пойду. Извините, если что не...

Вожников вдруг замолк, с удивлением глядя, как парильщики сноровисто натягивают на себя одежду — порты, длинные рубахи с вышивкой, кафтаны — неужто в деревнях до сих пор так еще одеваются? А что там у них в ножнах? Кинжалы? Ножи? Одна-а-ако...

— Ты чего голяком-то сидишь? Одежку, что ль, на заимке оставил?

— Вожеозерские робята хваткие, мороза не боятся!

Переглянувшись, братья — да, похоже, что так, братья — гулко захохотали.

Говорили они как-то странно, использовали много старинных слов, какие-то диалекты, Егор далеко не все понимал, так, с серединки на половинку, точнее, частью — понимал, частью — догадывался.

— А говор-то у тебя, паря, смешной!

Смешной? Егор улыбнулся — кто бы говорил-то!

— У вас в Заозерье все так говорят или токмо князя да бояре?

Князя?! Бояре?! Эвон, куда беседа зашла. Оп-па! А что это старик-то так суетится, едва ль не кланяется — одежку парильщикам подает, сапоги...

Сапоги! У одного — зеленые, юфтевые, у другого — коричневые. Отличные сапоги... от тех, что в магазине продаются. Мягкая кожа, узор... К тому же — кафтаны эти, а вон, у деда — армяк! Именно так эта одежда и называется. Кинжалы, опять же, ножны, пояса тщательно выделанные.

Молодой человек ощутил легкое волнение — а не свой ли это брат реконструктор? Если так, интересно было бы пообщаться... только дела свои сначала закончить.

— А вы к кому прие... — начал было Егор, да вот только не успел закончить. Резко повернувшись, старший бородач вдруг зажал ему рот рукою и прошипел:

— Тсс!!! Слышите?

Вожников, честно говоря, ничего такого не слышал, а вот парильщики сразу насторожились.

— Ходит кто-то за баней, эвон — снег скрипит, — шепотом произнес тот бородач, что помладше.

— Верно, Данило, — так же тихо отозвался старший. — Окружают.

Обернувшись, Данило ожег взглядом Егора:

— Не он ли, Иване, лудишек с собой привел?

— Угу... И сам голяком — с нами париться? Зачем? Мыслью — они неслышно за ним шли.

— И то верно... Одначе что делать будем?

— А что делать? — Иван неслышно вытащил из ножен кинжал. — Пробиваться будем — не тут же сидеть? Ты, — он строго посмотрел на Вожникова, — первым выскочишь... вроде как — в прорубь. Отвлечешь их, а мы уж — навалимся. Антип, — он посмотрел на жилистого. — Ты потом в лес, а я — следом.

— Сла-адим! Лишь бы этот вот выскочил, — Антип похлопал Егора по плечу: — Смогешь?

Молодой человек безразлично пожал плечами:

— Да выскочу, мне-то что? Только вот, для начала б в парную.

— Ишь, в парную ему... Беги давай! И да поможет нам Господь и святой Георгий!

Истово перекрестившись, Иван взмахнул кинжалом и кивнул на дверь:

— Беги! Живо!

— Ну, вы, блин, даете, — Егор покосился на тускло блеснувшее лезвие.

— А у окошка-то они не ходят — пасутся.

«Опасаются», — машинально перевел Вожников, покосившись на окно... Нет! Вовсе не полиэтиленом оно было затянуто. Бычий пузырь! Старина, блин... И еще игры какие-то тут непонятные.

— Ну, Егорша — пора!

Хлопнув парня по плечу, Иван кивнул жилистому Антипу, и тот резко распахнул дверь.

Ну, только бы девок не было... А и будут — так что?

— Эх-ма! Раскудрит-твою налево!

С веселым матерком молодой человек выскочил из бани и со всех ног помчался к проруби. И черт-то с ними со всеми — окунуться да обратно в парилку... лучше, конечно, к своим. Однако тут, похоже, одна банька-то — вот эта. Ладно, некогда сейчас... Егор не чувствовал мороза — бежал... Но не добежал. Из росших по всему бережку кустов выскочили ему наперерез сразу двое. Молодые краснорожие парни в нагольных полушубках и странных округлых шапках, отороченных потертым рыжеватым мехом. Глядя на Егора, парни глумливо ухмылялись, а в руках... в руках держали короткие копыя!

— Може, погоняем его, как зайца, а, Ждан? — с непонятным азартом воскликнул один. — На стрелу возьмем — то-то повеселимся!

— Не, — сплюнув, откликнулся другой. — Тимоха сказал — на копыя брать. А то б погоняли.

— Ну, на копыя так на копыя.

Покладисто кивнув, красномордый половчей перехватил копые и буром попер на Вожникова.

Подскочил — ударил!

Ввухх!

Эва, ведь не зацепил, зараза! Хорошо, Егор вовремя увернулся.

— Э, ты что, псих, что ли?

— Гли-ко, Ждане — вертлявый попался!

Вожников закусил губу — у него почему-то складывалось такое впечатление, что тут все — психи. Да, у баньки тоже возникла какая-то возня...

— Дай-ка, я его...

— Не, Ждан, я — сам.

— Ну, как знаешь.

Ввухх!!!

Снова дернулось, рванулось копые, в тусклом мартовском солнце сверкнуло злобой жаждущее крови острие... Хорошее, кованое...

Правда, Егор пристально его не рассматривал — готовился, попрыгал... легко — все ж боксер! — уйдя с линии атаки, перенес вес на левую ногу, и, правой рукой перехватив древко, левой ударил нападавшего снизу — апперкотом — в челюсть. Резко, быстро, умело — как когда-то на ринге.

И секунды не прошло, так — миг. Выронив копьё, краснорожий кубарем покатился вниз, к проруби, впрочем, Вожников этого не видел — ведь перед ним оставался еще и другой — Ждан... Который, похоже, еще не понял, что же все-таки произошло.

— Эй, Стяпан! Я ж говорил — тропка скользкая. Ладно, теперь уж сам. Сам? Ну, давай, чего уж.

Подскочив ближе, Егор сделал ряд обманных движений, целью которых было увести противника с тропы... так и вышло — сделав неверный шаг, недотепа Ждан левой ногой провалился в сугроб, на миг отвлекся. Вожникову этого было более чем достаточно — резкий прямой удар — джеб — в переносицу. И — полный нокаут.

Кто-то бросился сверху, от бани — младший братец, Данило.

— На вот, армяк, накинй.

Гляди-ка, какой заботливый! То на парней голым выставил, то — армяк...

— В сугроб, в сугроб — живо!

Егор так сразу и не сообразил, зачем это бородач схватил его за руку, потащил за собой в снег... Что-то просвистело над самой головой, и рядом, в сугроб, ткнулась, провалилась до самого оперения стрела!

— Это что еще тут за робин гуды?

— Ловко ты их, Егорша! Теперь тихо сидим — в вербах стрелки засели. С-сволочи!

— И долго нам тут валяться? — Вожников натянул армяк... и едва не словил стрелу.

Даже несколько — наверное, с полдесятка ударилось в снег рядом.

— Не высовывайся из-за бугра, паря!

— А?

— Голову, грю, пригни. Ничо, недолго. Старика, псы, прибили, да Иване, брате, не льком шит! Недаром Тугой Лук прозван. Ишшо поглядим, кто кого! Да и глядеть нечего...

Ждали и впрямь недолго — откуда-то с пригорка донесся крик:

— Э-эй, как вы?

— Да ничо, живаху.

Данило вскочил на ноги, следом за ним поднялся и Егор — смешной, в армячишке, да босиком по снегу.

Сверху, напряженно поглядывая по сторонам, спускались Иван с Антипом, оба довольные, с закинутым за спину луками. Подойдя ближе, Иван улыбнулся, похвастался:

— Трех с Антипкой положили в вербах.

— И язм одного на нож взял, брате. Да Егорша двоих — кулаком. Вот, я те, скажу, ударец! Как там?

— Мыслию, нет никого боле, — пригладив бороду, нехорошо усмехнулся Иван. — Полудюжиной и явились, дескать — на нас и столько хватит. Злыдни!

— А, может, так просто заимку проверить решили? Вдруг да мы здесь?

— Может, и так... Оп-па! Гли-ко, шевелятся...

Егор посмотрел на реку. Тот парень — Стяпан — уже пришел к себя и, оглянувшись, побежал к противоположному берегу, к лесу.

— Врешь, не уйдешь!

Иван сдернул с плеча лук. Пропела стрела. Черная бегущая фигурка, дернувшись, нелепо взмахнув руками, да, повалившись в искрящийся синеватый снег, так там и застыла.

Данило кивнул на застонавшего Ждана:

— А этого в баньке спытаем. А ну, Егорш, подмогни-ка Антипу.

У самого предбанника, в щедро окрашенном кровью снегу, недвижно лежали двое — давешний седобородый старик — Возжников так и не знал, как его звали — и какой-то незнакомец со шрамом вместо левого глаза. Круглая заячья шапка его валялась рядом, в сугробе, сальные волосы лежали вокруг головы страшным окровавленным нимбом.

— Деда убил... Кор-рва! — Данило с остервенением плюнул убитому в лицо.

Не до конца понимая, что вообще происходит, Егор с помощью Антипа затащил пленника — именно пленника, а как иначе назвать? — в предбанник. Ждан постанывал и держался за челюсть. Хороший вышел джеб, приятно вспомнить, и рассказать не стыдно!

— Сколько вас? — с ходу поинтересовался Антип. — А ну говори, шпынь, не то долго помирать будешь!

Парень лишь хлопал глазами да стонал:

— Ы-ы-ы... а-а-а...

— Ой, Егорша, чую — выставил ты ему челюсть.

— А чего он — копьём? — обидчиво дернулся молодой человек. — Тебе его жаль, что ли?

— Не его, паря — нас. Как же мы теперь от него хоть что-то вызнаем... Хотя! Найдем, как... Давай его на лавку... ага...

И вот тут, в предбаннике, Егор, наконец, ощутил холод. Да так, что весь содрогнулся, зубами застучал... еще бы!

— Я-я-я это, пожалуй, в парилочку.

— Давай!

Махнув рукой, Антип повернулся к «шпыню»:

— Эй, нелюдь. Говорить не можешь — кивай. Или мотай головенкой. Вас полдюжины, так?

— У-у-у, у-у-у, — парняга с готовностью затряс головой.

— Ну, слава те, Господи. Вы ведь за ним шли, за Егором? Ах, нет?.. Но — по нашу душу? Ага... Просто глянуть? Ну-ну... так я и мыслил.

Окончания столь любезной беседы Вожников дожидаться не стал, убежал в парилку, сразу же швырнул на камни несколько ковшиков подряд, схватил веник... Правда, долго париться ему не дали: в парную заглянул старший братец, Иван, за которым маячила узкая, с редкой бородкой, физиономия Антипа:

— Все, Егорий. Уходим. Сейчас на заимку зайдем, да двинем подальше, утра не дожидаясь — от греха.

— Угу...

Быстро окатившись «летненькой» водицей из небольшой шайки, Егор накинул армяк, сунул ноги в принесенные кем-то — наверное, Антипом — лапти (!), да вслед за братьями зашагал по бережку вверх, к усадьбе...

К усадьбе... Найти Леху, уехать поскорее отсюда... Это что ж такое творится-то? В чистом виде сто пятая... ну, эти-то — молодой человек неприязненно покосился на своих спутников — понятно, защищались. Хотя... вон, Антип бежит, догоняет, на ходу наклонился, руки кровавые о снег обтер. Ой, не зря он в баньке задержался... бедный Ждан. Хотя с чего он бедный-то? Сам пришел — точнее, пришли — напали, едва кишки из него, Егора, не выпустили! Копьями-то махали со всем остервенением, мать их... Если б не бокс — остался бы он на снегу, не ходи к бабке, лежал бы вот так, раскинув руки... голый, блин. Одно хорошо — холодно бы не было.

Поднявшись к усадьбе, молодой человек закрутил головой в поисках «уазика» или, на худой конец, снегоходов. Вот тут же они стояли, у ворот, а УАЗ — во дворе... Черт! Удивленно щурясь от бьющего прямо в глаза солнца, Вожников осознал, что пришел вовсе не туда, куда надо бы. Не та оказалась усадьба! И забор не тот — частокол какой-то, и двор маленький, и дом — не дом, а избенка курная, почти по самую крышу в сугробе.

— Эй, мне, наверное, не сюда надо. Усадьба-то где?

— Она и есть, паря, — обгоняя, буркнул Антип. Обернулся. — Ты одежду-то свою где кинул?

— Теперь уж не помню... Да и вообще — трудно соображать, — честно признался Егор.

Антип махнул рукой:

— Ла-адно, сыщется что-нить. На заимке много чего есть. Жаль старика, похоронить бы, да некогда. Прав Иван Борисыч — уходить поскорей надо. Ждан — пленник — сказал, их сюда одноглазый весянин привел... полдюжины воев. Еще три дюжины — на Пашозерский погост пошли, думали нас там застать. Просчитались. А ведет их — Афанасий Конь, младшой воевода московский.

— Младшой воевода? — честно говоря, Вожников такого термина не припоминал, и от реконов раньше не слышал. — Боярин? Служильный человек?

— Точно — служильный, — Антип неожиданно расхохотался. — Нас словит — выслужится, дальше некуда. Пару деревенек Василий-князь ему, уж верно, пожалует.

Пару деревенек...

Егор еще хотел что-то спросить, да Антип не дал, опередил:

— Данило Борисыч бает, будто ты голыми руками — двоих. Правда ль?

— А чего ж неправда? — молодой человек рассеянно повел плечом. — Я ж боксер, хоть и бывший. Одному — джеб, апперкот — второму.

— Силе-о-он! Ладно, еще поговорим, паря.

«Сам ты паря!» — входя в курную избу, буркнул про себя Вожников. Пригнуться не успел — стукнулся лбом о низкую притолочину, выругался... Братья с Антипом засмеялись.

— А они тут пошуровали, — осматриваясь, задумчиво произнес Иван. — Эвон, все разбросано.

Младший, Данило, хохотнул в бороду:

— Серебришко искали, шпыни!

Егор слушал вполуха, пораженный неожиданно открывшейся ему картиной, точно сошедшей с полотен передвижников. Типичное житье-бытье угнетенных гнусным царским «прижимом» временнообязанных крестьян какой-нибудь Пустопорожней волости: минимум мебели — опрокинутый стол, сколоченный из тесаных досок, лавка, распахнутый настезь сундук. Все правильно, машинально отметил молодой человек, доски в старину только тесали, не пилили. И сундук такой — даже не старинный, древний.

— Да-а-а, — присев на лавку, с усмешкой протянул Иван. — Ну, что, Егорша, сыщешь тут свою одежонку? Хо! Лучше и не ищи — одевай, что есть.

Молодой человек так и сделал — а что, лучше голым ходить, в армяке да в лаптях? Ничуть не стесняясь, натянул на себя исподнее — узкие полотняные порты, нижнюю — тоже из полотна — рубаху, поверх нее накинул рубаху шерстяную, крашеную, похоже, дубовой корой... нет!

Конечно же, крапивой с квасцами!

Цвет такой характерный, буровато-зеленый. Это ж надо — и тут реконструкторы! Ну, кому другому придет в голову рубахи из грубой шерсти ткать да крапивой красить? Кстати, не такое уж и простое дело, весьма даже трудоемкое. Конечно, можно все заказать — есть в Москве магазинчики, на подобной продукции специализирующиеся — мечами торгуют, кольчугами да вот, одежонкой. Весь комплект русского ратника — служилого человека века четырнадцатого — запросто можно купить, что у реконов во-